

*Л. Ф. Муртазалиева, Свердловский областной краеведческий музей
(Екатеринбург)*

История семьи Батмановых в истории города Екатеринбурга

Материалы о семье Батмановых сосредоточены в фондах областного краеведческого музея, областного архива, ряда частных архивов. Они чрезвычайно интересны, так как отражают историю Екатеринбурга конца XIX — начала XX в., поскольку члены семьи были ее активными творцами.

Глава семьи — нотариус Алексей Никифорович Батманов — интересен прежде всего, как один из создателей городской библиотеки им. Белинского. Он родился в семье штейгера (горного мастера) в Туринских рудниках. Окончил Екатеринбургскую гимназию. В 1884 г., будучи студентом Санкт-Петербургского университета, вступил в народническую студенческую организацию. Был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. После суда сослан на три года в г. Шенкурс Архангельской губернии под гласный надзор полиции. Об этом периоде жизни он позже вспоминает так: “Мне было 25 лет, когда мы с Мимозой (женой Александрой Владимировной) прибыли в Шенкурс. Там была довольно значительная колония ссыльных ..., некоторые были славные люди. Население встречало радушно, и нам везде был открыт кредит, начиная с лавочки”.

1889 г. вместе с женой и сыном приезжает к родителям в Екатеринбург. Батмановым принадлежали два дома, их построил отец Алексея Никифоровича по Покровскому и Вознесенскому проспекту. Семья жила в одном доме, а второй сдавала в наем. В начале XX в. на первом этаже дома по Покровскому проспекту располагался магазин П. Нурова “Каменные вещи”, предлагавший покупателям изделия из золота и уральских камней. Именно этот дом Батмановых по улице Малышева уцелел, в нем сегодня находится магазин “Аметист”.

Батманов экстерном сдает экзамены и получает право открыть нотариальную контору. Он снимает помещение в центре города по

адресу: Богоявленская, 4. К началу XX в. он был одним из четырех нотариусов города Екатеринбурга.

Жена Алексея Никифоровича Александра Владимировна была дочерью священника Земляницына из Белоярки. Она не стала продолжать образование на Женских курсах в Санкт-Петербурге и занялась воспитанием все пребывающих детей (всего их было — 7, один ребенок умер в детстве). Занималась вместе с мужем общественной работой, была в попечительском Совете учебных заведений, где учились дети — Второй женской гимназии, Алексеевском реальном училище.

Дом Батмановых всегда был открытым и хлебосольным. Позже Катя Сигова вспоминала (семья брата уральского писателя Сигова-Погоржельского): “Удивительными были елки у Батмановых — в доме все вычищено, сверкает. Алексей Никифорович таинственно улыбается в ответ на наши приставания “А кто будет Дед Мороз?” А из кухни удивительно пахнет ванильным печеньем”.

Юность детей Батмановых пришлась на революционные годы. Они выросли между революциями 1905 и 1917 гг. Все мальчики окончили одно учебное заведение — Алексеевское реальное училище, Ольга — Вторую женскую гимназию, начали обучение в учебных заведениях Санкт-Петербурга. К 1917 году Борису было 29, Вячеславу — 27, Ольге — 25, Никифору — 23, Игорю — 21, Владимиру — 17. Судя по семейному архиву, они дружили с ровесниками из семьи Сиговых, аптекаря Линдера, лесничего Боголепова, архитектора Камбарова, будучи студентом, бывал в доме Николай Толмачев. На каникулы они привозили с собой новых друзей по учебе, досугу. Так, появились в городе Петр Жебенев, ставший впоследствии лидером анархистов на Урале, Валентин Хотимский, один из лидеров эсеровской организации города.

Молодежь проводила время, плавая на лодках за городом, а любимым пешеходным маршрутом, как вспоминал позже Жебенев, были прогулки на “Чертик” (Чертово Городище). Петя Жебенев бывал чаще других, у него был роман с Олей. Под его влияние попал Игорь, стал яростным сторонником и членом Уральской ассоциации анархистов.

Вячеслав и Никифор не стали продолжать образование, вернулись домой. Оля к этому времени уже учительствовала (1912) в селе Мясогутово, Никифор также стал преподавать в Миассе.

Самый младший Владимир увлекся энтомологией, в 1916 году он передал коллекцию из 16 тысяч собранных им насекомых в музей УОЛЕ, и стал считаться внештатным сотрудником музея.

Отношение к октябрьским событиям звучит в письме Вячеслава брату в Миасс — “по поводу нового избранного Совета ничего сказать не могу. Может они и хорошие люди, но в городе неизвестны”. Это несколько неожиданно, поскольку казалось, что в городе просто должны были знать Вайнера, Малышева, Парамонова, Сосновского.

Неожиданным звучит в интерпретации Никифора эпизод с захоронением в марте 1918 г. красноармейцев, погибших в боях с дутовцами на Кафедральной площади — “превратили центр города в кладбище, при этом обобрали все цветочные магазины в городе”. А как же тогда могилы жертв февральской революции в Петрограде, могилы вокруг Кремля? Видимо не все в тогдашней России были согласны с этими нововведениями.

Но, тем не менее, с приходом белых в Екатеринбург в доме у Батмановых прятался комиссар земледелия В. Хотимский, не успевший вовремя уехать. Об этом факте нам сообщают страницы архива семьи Сиговых. А еще ранее, как утверждают данные ЦДСОСО, в декабре 1905 г. в доме находил приют Я. Свердлов.

Братья приняли участие в гражданской войне, причем по разные стороны баррикад. Игорь — на стороне красных, а Никифор и Владимир — на стороне белых. Никифор погиб, а Володя в районе Ачинска отморозил ногу, и ее пришлось ампутировать. А в 1920 году братья встретились в г. Ново-Николаевске. Игорь — в качестве комиссара одного из полков 30-й дивизии под командованием В. К. Блюхера, а Владимир — на больничной койке, только что оправившийся от возвратного тифа. Но полномочий Игоря не хватило, чтобы брата-белогвардейца вывезти домой. И тогда музей УОЛЕ высылает ходатайство, что Владимир Батманов просто необходим музею в качестве сотрудника энтомологического отдела.

Но дома жить пришлось по другому адресу. Дело в том, что муниципализация частных домов в Екатеринбурге началась еще в

1918 г., была приостановлена из-за гражданской войны и продолжилась в 1921—1923 гг. Был проведен учет всех частных владений и определена их стоимость. Дома стоимостью менее 5 тысяч рублей, были оставлены их прежним владельцам, а более дорогие — муниципализированы и переданы в ведение Коммунальному хозяйству города. Дом Батмановых по Покровскому переулку, 43 был оценен в 21 тыс. рублей и отнят у хозяев. И семья меняет адрес, отныне это Богоявленская, 4, помещение бывшей нотариальной конторы главы семьи, хотя нотариусом он перестал быть еще в 1916 году.

Об этом периоде жизни семьи пожилой нотариус пишет: “Старые устои, воспитанные в нас лучшими традициями нашей литературы, казавшиеся нам такими глубокими, яркими, захватывающими в переживаемую эпоху побледнели, ослабли, и нередко стоят в противоречии с государственной идеологией ... для людей вдумчивого толка и особенно не очень энергичных сейчас большая опасность оказаться изолированным, лишним”.

Но в семье всегда умели мечтать и радоваться жизни. Так, в декабре 1926 года, когда жизненное пространство квартиры, уже по Богоявленской, 4, сужается, Алексей Никифорович пишет Владимиру в Ленинград: “Вчера любовался закатом ..., солнышко гуляет, как никогда. По синему небу легкие перистые розовые облачка. В ожидании весны хочется, чтобы и твоя душа, милый Володя, ожила, расцвела и запела” и далее пишет “вчерашний день был с утра огорчительный. Комендант предъявил мне и Илье (Камбаров) постановление общего собрания жильцов дома о приведении в надлежащий вид в двухнедельный срок нашей кухни — убрать лишние вещи, побелить, очистить от наших вещей маленькую кладовку, а тебе уже писал о взятии на учет зеркала в прихожей. Мне пришлось привести своих старых знакомцев, которые подтвердили, что зеркало принадлежит лично мне. Зеркало вернули, пришлось повесить его над кроватью, больше некуда, зато смотрюсь в него по утрам ...” и в другое письмо двумя неделями позже “наше квартирное житие-бытие усложняется. Вчера маленькую кладовку за русской печкой занял рабочий с женой. Конечно, они будут там разве только почевать. А остальное время — на кухне. Сегодня из кухни слышится лай собачки и хоровое пение. Скоро вероятно и мы

запляшем. Интересно, в каком виде ты найдешь нас в мае?” Еще раньше мая Комхоз реквизировал комнату дочери Ольги. Старому нотариусу было непонятно — как комната может считаться излишней, если в ней живет человек?

К этому времени (1926) в Свердловске по Богоявленской, 4 проживали в двух комнатах Оля, Борис (он тогда работал в библиотеке УПИ). Игорь, о котором отец писал, что служба его не радует. Иногда он срывается”. Меняет места, как перчатки, сейчас служит в Уралселькустсоюзе. Вячеслав работал на строительстве Челябинского тракторного завода сварщиком, Володя учился в Ленинграде в университете. Мамы Александры Владимировны к этому времени не стало, она умерла в 1922 году.

Все Батмановы очень любили свой город, следили за его изменениями, особенно осязаемыми в 20—30-е годы. Алексей Никифорович пишет Владимиру в Ленинград: “Тупиковский дом огораживают временным забором. Деревянное строение против нашего дома, где была мясная лавка Янченко, сломана. Бывшую богадельню, монетку и механические мастерские предполагается уничтожить и образовать центральный парк от Уктусской (8 Марта) до Пушкинской ..., намечаются площади, трамваи. Одним словом, если вы со Славой приедите в Екатеринбург, то такового совершенно не узнаете, на его месте Свердловск — совсем другой город”.

У Батмановых всегда была хорошо подобранная библиотека. На конец 20-х годов в ней было около 5 тыс. томов. Часто собиралась молодежь — кто-то за книгой, кто-то за общением и именно эти “контрреволюционные собрания” послужили мотивом для доноса соседки. Арестовали Владимира и Игоря, при обыске нашли несколько запрещенных к тому времени книг М. Бакунина, видного деятеля анархизма. Удивительно, что оба попали в один лагерь на Колыме. Володя из-за своего увечья был назначен библиотекарем, и это сохранило ему жизнь. А Игорь погиб, не выдержав тяжести работ.

Из вышесказанного ясно, что семья разделила все тяготы страны, нашего города. Печально, что молодые Батмановы не создали своих семей, не продолжали семейное древо. Последний Батманов Владимир Алексеевич умер в возрасте 80 с лишним лет. Он сохранил все о своей семье — архивы за 30—40 лет — письма, черновики документов,

аттестаты об образовании, письма из заключения. Личные вещи, предметы обстановки, в том числе часть приданого Ольги — ножи, вилки, ложки работы мастеров Златоуста с трогательным инициалом О. А. Б. Этим он совершил нравственный подвиг. Он стал крупным ученым, основателем школы фенологии на Урале. Его методики до сих пор пользуются в стране и за рубежом. Так и не получив высшего образования, он был фактическим руководителем кандидатских работ своих учеников-студентов Пединститута.

А. А. Позолотин,

Екатеринбургский диагностический легочный центр

К истории рентгенологии на Урале

Материалы к биографии Владимира Густавовича Эмана

История рентгенологических исследований на Урале, в частности в г. Екатеринбурге, имеет много белых пятен. Время появления первого рентгенодиагностического аппарата в городе, несмотря на изыскания историков медицины, особенно активизировавшихся к 100-летию юбилею лучей Рентгена (1998 г.), так и не прояснилось. Вопрос остается открытым и на сегодняшний день. В свое время мы писали о первом рентгенологе — Г. С. Мышкине. Но Герман Сократович работал в городе уже после 1917 г. До этого времени о рентгенологах в Екатеринбурге писали коротко: «... до революции рентгенологией занимался частнопрактикующий врач». Вот об этом враче пойдет речь в нашем исследовании.

Первые сведения о работе рентгеновского кабинета в г. Екатеринбурге появились в газете «Уральская жизнь» в июне 1913 г. Первым врачом-рентгенологом был Владимир Густавович Эман, приехавший в Екатеринбург из Верхотурья. В Верхотурском уезде доктор Эман работал с 1897 г. Он состоял на службе Верхотурского земства в должности земского врача при Махневском участке с 29 октября 1897 г. до 1 сентября 1902 г., когда получил длительный отпуск. Заявление на отпуск В. Г. Эман подавал еще в 1901 году, о чем сохранились сведения в «Журналах — докладах Верхотурского Уездного земского собрания» в записях об очередных сессиях за 1901 г.